

Кино для себя

Статья опубликована в журнале Вестник НЛП №33.

Авторы: Алексей Владимирович Катаржин

Темы, затрагиваемые в статье: Творчество

Ну вот, пришло время и собой заняться. Давно собирался. Что там меня не устраивало? Ага, как же, помню: надоело все! Все чаще ловлю себя на мысли что все не так, все не то.... И тут не устраивает, и там как-то серенькие тени подкрадываются. А конкретнее? Помнишь? Ну, из метамодели, что ли, парочку классических вопросов? Раппортик с собой и не спеша...

Ну ладно, как скажешь... Далеко не пойдём, мысленный шаг в сегодняшнее совсем прошлое и спиной вперед, назад то есть, хоть и сидя, не вставая... Якоря пространственные — штука хорошая, вообще к якорям слабость имею, к любым... Поставишь хорошему человеку, заякоришь смутное его пока представление о чем-нибудь, да хоть даже о давлении подскочившем, усилишь, другой поставишь, на хорошее самочувствие, расскажешь в двух словах о скользящих якорях и на тебе — сидит, улыбается, играет, как дитя, малое с тонометром, сам себе регулирует и слова новые запоминает: систола, диастола, вот так было, вот так теперь всегда будет...

Сию, расслабился, вдох, выдох. Я сюда зачем пришел? Точно: хотел вспомнить, что там тревожило. А не тревожило ничего, просто привычность стала серенькой, и сам себе часто не нравлюсь. Не стал бы с таким дружить! Ленив, скучен, зловреден и ядовит... Ну, это я точно перебрал с отмашкой маятника, нанизал на ниточку воспоминаний слишком уж много из того, что помню, капельки черного собрал в кучу, отмахнулся от очень даже неплохих дел, что сотворил сегодня, раскатились цветные бусинки по полу, а из оставшейся черноты сотворил ожерелье да повесил себе ненавязчиво на шею, окружил себя замкнутостью беспросветной и сижу тихо, горюю, слезы по себе уже лить начинаю. Это я молодец! Это я мастер! Аплодисменты и призы в студию! А вон ту если бусинку с пола поднять и рассмотреть? Ага, неплох я там был? Ну, в общем да... А сколько их по полу рассыпано и уж затоптано почти? То-то... Все и на шею не повесишь и в горстях не унесешь. Так что долой мрачное ожерелье с груди — и выбросить!

Стоп... Это куда меня в обратную сторону понесло? Я эти воспоминания зачем фильтровал? Забыл? Правильно, я их для дела приберегал. И не так уж их много, да и не только за сегодняшний они день собрались. И, видишь, похожи они в чем-то? Есть в них... Повторяется узор. Рассмотрим внимательнее? В ладошку по одной и поближе, рамку раздвинем, набегает камера, и разворачиваются во всей красе...

Есть у меня, оказывается, и место, и время, когда я сам себе не нравлюсь. И вот ведь уже понятнее становится, что это. Не скажу я вам, что это. У каждого есть в рабочее время, дома да где угодно то, чем занимаемся без удовольствия, делаем, но скучно и поэтому получается так себе... Ну что, рассмотрел поближе, работаем? Начали.

На начало. Вот так сижу, вот так смотрю, вот так думаю и чувствую... Не врешь? Ну, нет почти... Сыграй еще разок, войди в роль, раскройся, не стесняйся, свои все, пойдем. Ну ладно, еще так еще. Сижу, руки вот, лицо умное, взгляд мудрый... Нда... А что «нда», мне уже обратно скверно, и аж зубы сводит, как не хочется заниматься тем, что предстоит... Вот, молодец, замри!

Замер. Иди сюда. Встань рядом и посмотри на себя. Хорош? Ну... Я тебя как Оператор спрашиваю, ты вот в камеру посмотри, видишь себя? Что скажешь? А что, сидит, зубовного скрежета не слышно, но я бы к нему сейчас лучше не подходил, любому настроению испортит... И вообще, кто так камеру ставит? Ты Оператор или где? Как будто фильм ужасов снимаешь, тебе надо по физике Нобелевскую премию давать, ты как будто черный свет изобрел, залил им всю сцену, да еще, похоже, на спецах по костюмам и по прическам сэкономили... Так себе, в общем, картинка в твоей камере.

Тут как будто рука на плечо опустилась. И голос такой серьезный в ухо: «Не лезь к Оператору, иди сюда лучше». Я так и думал: Режиссер. Отвел меня в сторонку, задумчивый такой, мудрый, аж страшно рядом стоять, больно уж серьезен и, вижу, недоволен... И спрашивает меня: «Что, не нравится?» Будто по мне не видно... Конечно, не нравится, меня ведь снимают, не кого-нибудь, я-то ведь знаю изнутри, каково это там сейчас, эвон как меня там, в свете софитов, скрючило... А этот, который тоже я, но Режиссер, под кожу лезет, как бы, мол, я эту сцену назвал? Да он что, хочет, чтобы я ему все неприличные слова, которые знаю, сразу, в одной фразе выдал? «Молчи, — говорит, — вижу, что одним словом не получится, а в фигурных последовательностях я эти слова знаю и полностью с тобой согласен. Ты пойди пока, пообщайся со Сценаристом, а я тут подожду, может, вы с ним и придумаете что...»

Я вам вот что скажу: Сценарист мне сразу понравился. Сели мы с ним, налили нам кофе настоящего, раппорт с первой буквы, он ведь все про меня знает, больше меня самого... Не нравится сцена? Знаю, знаю, писал в спешке, сорри, сейчас исправим, уже стер, удалил, нету... А что вместо? Из сюжета ведь ежедневного не выкинешь, так ведь? Ну, я и говорю, что дело делаю нужное, только вот очень уж противно получается, как на эшафот

каждый день или как будто чужое дело делаю да еще чужими руками (вы уж тут сами вставьте те слова и чувства, которые подберете для дел, которых век бы не делал и своими бы глазами на самого себя в это время не смотрел).

«А давай назовем эту сцену «Прыжок»?» — это он предлагает, Сценарист. «А что, — говорю, — звучит. А как это будет?» «Ну ты что, не видел как хорошие мастера настраивают перед планкой? Они это на стадионе так делают, что весь стадион замирает, паузу держит, не то что не мешает, все в едином порыве помочь хотят: кто ветер придерживает, кто руки протягивает, чтобы планку придерживать, кто готов пылинки сдувать с дорожки для разбега... Замирают и знают: настроится сейчас мастер и прыгнет. Распластается над планкой, замрет даже на малую долю времени, даст всем на стадионе полюбоваться пластикой и возьмет высоту...»

Я аж замер с раскрытым ртом, засмотрелся на воображаемую картинку, чуть кофе не разлил, умудрился мимо рта пронести чашку... Да, забыл совсем... Я, когда со сцены сходил, обратил внимание, что тишина там, на сцене, полная тишина. А сейчас, когда мне Сценарист всю эту красоту разрисовывал словами, Звукооператор, наш человек, даром, что я сам, поставил что-то очень хорошее, в том самом ритме, что я люблю. И поверил я в этот самый момент, что смогу. Что переписали уже, что появилась новая сцена, что для меня писано, мне играть и что справлюсь! Встал, пожал руку Сценаристу, кивнул Звукооператору, махнул кому-то (себе, конечно, кому же еще в середине съемочной группы) и шагнул.

Сначала к Режиссеру. Говорить ничего не надо. Не глухой, поди, сам себя пока слышу. Режиссер уже меняет обстановку на сцене. Не то чтобы мебель или фикусы, нам это не надо. В себе, в том, кто на сцене, меняет что-то. Осветитель аж сам светится. И видно, что тот, который Я-Актер, на сцене который, по-другому уже сосредоточен, подобрался весь, по-прежнему весь в себе, но иначе. Знает, что сложно будет, но ведь может, причем может этим и себе, и другим удовольствие доставить, не просто прыгнуть, а сделать это красиво! И видно по нему, что это ему уже нравится!

Еще шаг вперед, к Оператору. Тот уже сменил камеру (когда успел, где взял?), наводит на Я-Актера, выбрал совсем другой ракурс и только успевает за распоряжениями Режиссера. Заглянул в камеру, и мне еще больше понравилось то, что увидел. Знаю ведь уже давно, что даже на самого себя можно очень по-разному смотреть... И очень сам себе в этом ракурсе понравился. Я не о самолюбовании, понимаем ведь, правда? Я о том, что вот с этого места и при таком фокусе очень даже хорошо видно, что сделает сейчас человек хорошее дело и хорошо сделает, и это хорошо...

А дальше все просто. Дальше я сделал еще шаг и оказался в себе. Как я мог позабыть, что в этой позе думается лучше? Как я умудрялся вот так неуклюже мысли свои раскладывать? Что за шум был в ушах? А сейчас как будто всего на секунду замерло все вокруг, только вижу невидимые руки, поддерживающие планку, через которую буду прыгать, не знаю как, но знаю, что ветра не будет, дорожка для разбега без единой пылинки, в тишине делаю первый шаг. В тишине? Нет, с каждым шагом все слышнее музыка, та

самая, любимая, и все очевиднее, что это и не планка вовсе, даже не препятствие, а так, мелочь, причем мелочь даже приятная, приятная воспоминанием о преодолении...

Стоп, снято, всем можно отдохнуть.

Потянуться, встать... Похоже, завтра будет хороший день.